

Посвящается Энтони

Весна 1521 года

Слышен приглушенный рокот барабанов, но мне ничего не видно — только кружева на корсаже, дама передо мной полностью закрывает эшафот. Я при дворе уже больше года, бывала на многих празднествах, но на таком — никогда.

Шаг в сторону, вытянуть шею — и наконец я вижу осужденного, рядом с ним священник, вот они вышли из Тауэра, медленно ступают по лужайке туда, где ждет деревянный помост. Плаха — посредине, палач давно готов, рукава засучены, черный капюшон опущен на лицо. Похоже на маскарад, все такое ненастоящее, придворное увеселение, да и только. Король¹ на троне рассеян, будто повторяет про себя речь — готов простить преступника. Рядом с ним трое, лица мрачные: мой муж Уильям Кэри — года не прошло, как мы поженились, мой брат Джордж и мой отец сэръ Томас Болейн. Я переминаюсь с ноги на ногу в маленьких шелковых туфельках. Хорошо бы король поскорее даровал помилование, тогда можно будет пойти позавтракать. Мне всего тринадцать, и я зверски голодна.

Герцог Бекингем еще далеко от эшафота, но уже скинул теплый плащ. Он наш близкий родственник, я зову

¹ *Король* — Генрих VIII Тюдор (1491–1547). Повествование ведется от лица Марии Болейн (ок. 1499/1508–1543), жены члена личного королевского кабинета Уильяма Кэри, в течение двух лет являвшейся фавориткой короля. В романе Ф. Грегори Мария представлена как младшая сестра Анны Болейн, хотя большинство историков сходятся во мнении, что она была старшей.

его «дядюшка». Он был на моей свадьбе, подарил позолоченный браслет. Отец говорит, герцог не раз уже ссорился с королем, у него самого в жилах королевская кровь, и гарнизон он держит слишком большой — это не радует короля, который пока не слишком прочно сидит на троне. Хуже всего, люди слышали, герцог как-то сказал: у короля нет сына и наследника и он, наверное, так и умрет, не оставив после себя потомка.

Подобных мыслей вслух не произносят. Король, двор, да и вся страна — все уверены, королева скоро, совсем скоро родит мальчика. А кто с этим не согласен, уже ступил на скользкую дорожку — ту, что кончается деревянными ступеньками на эшафот. Герцог, мой дядя, уже идет по этим ступенькам, шаги твердые, ни малейшего признака страха. Хороший придворный никогда не скажет неприятной правды. Жизнь при дворе — сплошной праздник.

Дядя Бекингем как раз подошел к краю эшафота — настало время последних слов. Мне ничего не слышно, да и в любом случае я не свожу глаз с короля — пора уже ему подать реплику, произнести положенное королевское помилование. Этот человек, там, на эшафоте, залитый бледными лучами золотистого утреннего солнца, играл с королем в теннис, состязался на турнирах, сотни раз бил с ним и в кости резался, они — товарищи с детства. Хорошо, король преподавал ему урок — и к тому же при всем честном народе, а теперь надо его простить, а нам всем отправляться завтракать.

Фигура вдали повернулась к духовнику, герцог склонил голову, поцеловал четки. Упал на колени перед плахой, впелся в нее обеими руками. Интересно, как это — прижаться щекой к гладкому навощенному дереву, ощущать легкое дуновение теплого ветерка, слышать резкие крики чаек. Даже если знаешь, что все делается невзавраду, просто маскарад, все равно страшно. Как-во сейчас дяде положить голову на плаху, а палач уже тут как тут, наготове?

Палач взмахнул топором. Я взглянула на короля, дальше откладывать уже некуда. Дядя раскинул руки, сигнал — к казни готов. Я снова перевела взгляд на короля, он, должно быть, уже встал. Нет, все еще сидит, усмешка на лице, как всегда красивом. Я все еще гляжу на него, опять барабанная дробь, и вдруг барабаны резко замолкают, удар топора, один, затем другой, третий — такой знакомый, домашний звук, будто дрова рубят. Глазам своим не верю: дядина голова катится по соломе, устилающей помост, из обрубка шеи — фонтан крови. Палач в черном капюшоне кладет заляпанный кровью топор, поднимает голову за клочок густых курчавых волос, теперь всем видна эта странная маска-лицо, черная повязка между лбом и носом, зубы скалятся в прощальной дерзкой ухмылке.

Король медленно поднялся на ноги. А мне по-ребячьи подумалось: «Должно быть, ему ужасно стыдно, затынул до последней секунды, и все пошло наперекосяк. Он ошибся, не вмешался вовремя».

Но ошибалась, конечно, я. Вовсе он не затынул, не забыл. Вот так, перед целым двором, расправился с дядей — пусть все видят, кто у них король. Двух королев не бывает, король один, и зовут его Генрих. И у этого короля будет сын, а кто сомневается — тому позорная смерть.

Притихший двор возвращается в Вестминстерский дворец. Три большие барки идут на веслах вверх по течению. Люди толпятся на берегу, снимают шапки и плюхаются на колени, когда мимо быстро проплывает королевская барка. Разноцветный вихрь вымпелов, дорогие одежды сияют на солнце. Я, вместе с придворными дамами, на второй барке, с королевой. Рядом сидит моя мать. Взглянула на меня — что случается нечасто — и спросила:

— Ты такая бледненькая, Мария, тебе дурно?

— Я думала, его не казнят. Думала, король его помилует.

Мать наклонилась — губы у самого моего уха, никто другой не расслышит из-за скрипа барки и ударов весел по воде, — бросила резко:

— А ты еще дуручка. И говоришь глупости. Смотри и учись, Мария. При дворе ошибкам места нет.

Весна 1522 года

— Я еду завтра во Францию, привезу твою сестру Анну¹ домой, — объявил отец, стоя на ступенях Вестминстерского дворца. — Пусть займет место при дворе королевы Марии Тюдор², когда та вернется в Англию.

— Я думала, она остается во Франции. Выйдет замуж за французского графа или кого-то в этом роде.

Он покачал головой:

— У нас на нее другие виды.

Я знала — спрашивать отца о его планах бесполезно. Больше всего на свете меня страшило — вдруг она сделает лучшую партию, чем я, и тогда мне по гроб жизни тащиться за шлейфом ее платья, покуда ей шествовать впереди.

— И пожалуйста, без этого сердитого выражения на лице, — потребовал отец.

Я тут же улыбнулась льстивой придворной улыбкой и послушно произнесла:

— Конечно, отец.

Он кивнул и собрался уходить, а я присела в низком реверансе. Выпрямилась, неторопливо отправилась в спальню мужа. Там на стене висит небольшое зеркало, я застыла перед ним, уставившись на свое отражение. «Все будет в порядке, — шепчут мои губы, — я ведь Бо-

¹ Анна Болейн (ок. 1501/1507–1536) — с 1533 года королева Англии, мать Елизаветы I.

² Речь идет о Марии Английской (1496–1533), сестре Генриха VIII и вдове французского короля Людовика XII.

лейн, это вам не мелочь, моя мать — урожденная Говард, а Говарды одна из самых знатных семей страны. Я из Боллейнов, я из Говардов. — Я закусила губу. — Но ведь и она тоже».

Улыбнулась ничего не значащей придворной улыбкой — в зеркале отразилось хорошенькое веселое личико.

Я младшая сестра, но уж не самая распоследняя. Замужем за Уильямом Кэри, королевским фаворитом. Меня отличает королева, я самая молодая фрейлина. Никому не позволю мне жизнь испортить. Даже ей это не удастся.

Анна и отец задержались в пути из-за весенних бурь, а я вдруг поняла, что в глубине души по-ребячьи надеюсь — вдруг корабль разобьется и она утонет. Думая о ее смерти, я испытывала странную смесь чувств: тут и непонятная острая боль, настоящее отчаяние, и в то же время бурная радость. Будто мир без Анны для меня не существует, но в мире просто нет места для нас обеих.

Как бы то ни было, ничего особенного не случилось, и она добралась благополучно. Я увидела ее, когда она вместе с отцом сходила по трапу на королевский причал, откуда ко дворцу шла мощенная гравием дорожка. Даже издали, из окна на первом этаже, удалось разглядеть широкий подол ее платья, модный покрой плаща, и это зрелище элегантно развевающейся материи вызвало приступ чистой, беспримесной зависти. Я смотрела на нее, пока она не скрылась из виду, и заторопилась к своему месту в парадной спальне королевы.

План простой — пусть сначала увидит меня, по-домашнему устроившуюся в богато украшенной вышитыми гобеленами комнате, и тогда я поднимусь и поприветствую ее, такая взрослая и грациозная. Но как только распахнулись двери и она вошла, меня охватила бурная радость, и с громким криком «Анна!» я бросилась ей навстречу, только юбки летели. И Анна — голова высоко поднята, выражение лица высокомерное, бросает хмурые

взгляды по сторонам — вдруг перестала быть важной юной особой пятнадцати лет от роду и бросилась, распахнув объятия, ко мне.

— Ты выросла, — задыхаясь, проговорила она, крепко обхватила меня и прижалась щекой к щеке.

— Это просто каблуки ужасно высокие.

Я вдохнула такой знакомый аромат. Мыло, розовая вода на теплой коже, запах лаванды, пропитавший одежду.

— Ты как?

— Хорошо, а ты?

— Bien sur!¹ А свадьба?

— Неплохо. Красивые платья.

— А он?

— Превосходно. Всегда с королем, тот ему благоволит.

— И ты это сделала?

— Сто лет назад.

— Больно было?

— Очень.

Она чуть отодвинулась, вглядываясь мне в лицо.

— Ну, не слишком больно, — поправилась я. — Он старается быть поласковой. Всегда дает мне вино. Но вообще-то, просто ужасно.

Хмурый вид исчез, она хихикнула, в глазах светится смех.

— Почему ужасно?

— Он писает в ночной горшок, а мне все видно.

Она просто зашлась от смеха:

— Быть не может!

— Довольно, девочки. — Из-за спины Анны появился отец. — Мария, представь сестру королеве.

Я повернулась, повела Анну сквозь толпу придворных дам, туда, где в кресле у камина, выпрямившись, сидела королева.

— Она строгая, — предупредила я Анну, — тут тебе не Франция.

¹ Естественно! (фр.)

Екатерина Арагонская¹ пристально взглянула на Анну, меня охватил приступ страха — вдруг сестра понравится ей больше, чем я.

Анна присела перед королевой в безупречном французском реверансе и величаво, будто весь дворец принадлежит ей одной, подошла ближе. Чарующий, мелодичный голос, каждый жест — все напоминает о французском дворе. Я с удовольствием заметила — королева восприняла манеры Анны с явным холодком. Я потянула сестру на скамью у окна:

— Она ненавидит все французское. Будешь продолжать в том же духе — не сможешь остаться при ней.

Анна пожала плечами:

— Но это модно, нравится ей или нет. Как же мне себя вести?

— Может, по-испански, если уж непременно хочешь кого-то изображать?

Анна хихикнула:

— Носить такие чепцы? Ей словно крышу на голову нахлобучили!

— Ш-ш-ш, — сказала я с упреком. — Она достойная женщина. Лучшая королева в Европе.

— Она старуха, — отрезала Анна. — Одевается как старуха, хуже всех в Европе, да еще из самой глупой страны в Европе! У нас нет времени на Испанию.

— У кого это — у нас? — холодно осведомилась я. — Не у англичан же?

— Les Français!² — раздраженно бросила Анна. — Bien sur! Я теперь настоящая француженка.

— Ты коренная англичанка, как Джордж и я. Вспомни, я тоже была при французском дворе. Зачем ты всегда притворяешься особенной?

¹ *Екатерина Арагонская* (1485–1536) — дочь Фердинанда II, короля Арагона и Кастилии, первая жена Генриха VIII и мать Марии Тюдор.

² У французов! (*фр.*)

— Каждому нужно что-нибудь этакое.

— Этакое?

— Каждой женщине необходима изюминка — то, что притягивает взгляды, делает ее центром внимания. Я собираюсь быть француженкой!

— Строишь из себя невесть что, — протянула я осуждающе.

Анна смерила меня взглядом.

— Я притворяюсь не больше и не меньше, чем ты, — спокойно произнесла она. — Моя маленькая сестричка, моя золотая сестричка, моя сладкая сестричка.

Я встретила ее взгляд. Мои светлые глаза утонули в ее, темных, я знала, что улыбаюсь ее улыбкой, она — мое зеркальное отражение, просто потемней.

— Ах так, — протянула я, все еще отказываясь признать ее правоту. — Ах так...

— Именно так. Я — темноволосая француженка, модная и таинственная, ты — милая, простодушная белокурая англичанка. Вот это будет парочка! Кто против нас устоит?

Я расхохоталась. Она всегда умела меня рассмешить. Сквозь мелкие стекла в свинцовом переплете окна увидела у конюшни короля с группой охотников.

— Это король? — спросила Анна. — Правда, так красив, как говорят?

— Он просто чудо. Правда-правда. А уж танцует и скачет верхом... просто слов нет.

— Сюда придет?

— Вероятно. Всегда к ней заходит.

Анна с отвращением глянула туда, где в окружении придворных дам сидела с шитьем на коленях королева.

— Интересно, почему?

— Потому что любит ее! Такая чудесная история. Ее выдали за его брата, а брат умер молодым, и она не знала, что делать и куда идти, тогда он решил жениться на ней и сделать ее королевой. Правда, романтично, и любит он ее по-прежнему.

Анна подняла красиво очерченные брови и оглядела комнату. Придворные дамы прислушивались к шуму возвращающейся охоты, расправляли юбки и поудобнее устраивались на стульях — настоящая живая картина для входящих. Дверь распахнулась, на пороге громогласно хохотал очень довольный собой король Генрих.

— Мне удалось застать вас врасплох!

— Какая приятная неожиданность, — сердечно произнесла королева.

Друзья и приятели короля ввалились в комнату вслед за ним. Первым вошел мой брат Джордж, замер на пороге, увидев Анну, но, как настоящий придворный, сдержал радость и низко склонился над рукой королевы.

— Ваше величество, — произнес он со вздохом. — Я пробыл на солнце все утро, но ослеплен только сейчас.

Королева вежливо улыбнулась, не отрывая взгляда от его темных кудрей.

— Можете поздороваться со своей сестрой.

— Мария здесь? — равнодушно спросил Джордж, будто не видя нас обеих.

— Другая ваша сестра, Анна, — поправила королева.

Легким жестом руки в кольцах она поманила нас к себе. Джордж склонился в поклоне, но не двинулся с места, чтобы не отходить от трона.

— Как по-вашему, она изменилась? — спросила королева.

— Надеюсь, изменится еще больше, имея перед глазами такой образец, как вы.

— Очень мило, — благодарно улыбнулась королева и взмахом руки отправила его к нам.

— Здравствуйте, мисс Красотка, — обратился он к Анне. — Здравствуйте, миссис Красотка, — ко мне.

Анна взглянула на брата из-под темных бровей:

— Хотела бы я тебя обнять!

— Уйдем отсюда, как только будет возможно, — решил Джордж. — Хорошо смотришься, Анна-Мария.

— У меня все превосходно. У тебя?

— Как нельзя лучше.

— Что собой представляет муж нашей маленькой Марии? — спросила она, с любопытством глядя на Уильяма, склонившегося к руке королевы.

— Правнук третьего графа Сомерсета, в большой милости у короля. — Джорджа интересовали только семейные связи и близость к трону. — Хорошая партия. Знаешь, Анна, тебя привезли домой, чтобы выдать замуж.

— Отец не сказал за кого.

— Думаю, за Ормонда.

— Буду графиней! — победно улыбнулась Анна.

— Подумаешь, ирландской, — тут же возразила я.

Мой муж отошел от трона и с удивлением встретил дерзкий, настойчивый взгляд Анны. Генрих уселся позади королевы и оглядел комнату.

— К нам сегодня присоединилась сестра моей дорогой Марии Кэри, — заметила королева. — Анна Болейн.

— Сестра Джорджа? — осведомился король.

Брат поклонился:

— Да, ваше величество.

Король повернулся к Анне, она присела в глубоком реверансе, потом подняла голову и вызывающе улыбнулась. Это не произвело на него впечатления. Король любил беззаботных, весело хохочущих женщин, ему не мог понравиться пристальный, дерзкий взгляд темных глаз.

— Счастливы, что сестра вернулась? — спросил он меня.

Я тоже присела в низком реверансе. Немного покраснела, но слова лились без труда.

— Конечно, ваше величество. Как же не мечтать об обществе такой сестры, как Анна!

Брови у него сошлись к переносице. Король явно предпочитал грубоватые мужские шутки женским колкостям. Перевел взгляд с меня на изображающую загадочность Анну, и тут наконец до него дошло. Расхохотавшись, прищелкнул пальцами и протянул мне руку:

— Не беспокойтесь, моя милая. Никто не затмит новобрачную в первые годы семейного счастья. К тому же мы оба, Кэри и я, предпочитаем светловолосых женщин.

Все присутствующие рассмеялись, среди них и темноволосая Анна, и когда-то золотоволосая, а теперь седеющая королева. Глупо не рассмеяться от всего сердца, если король изволил пошутить. Я тоже смеялась, только куда искреннее и веселей, чем они.

Музыканты взяли первый аккорд, и Генрих притянул меня к себе.

— Такая славная девочка, — сказал он одобрительно. — Кэри сказал, ему так понравилась молодая невеста, что он теперь знать никого не захочет, кроме двенадцатилетних девственниц.

Нелегко было продолжать улыбаться. Мы кружились в танце.

— Ему повезло, — благосклонно сказал король.

— Ему повезло снискать ваше расположение, — запинаясь, произнесла я — как не сказать комплимент королю!

— А еще больше повезло с вашим расположением. — Он громко захохотал и закружил меня в танце.

Я поймала быстрый одобрительный взгляд брата, но приятнее всего — прочесть зависть в глазах Анны: сам король Англии держит меня в объятиях.

В ожидании помолвки Анна легко вписалась в повседневную жизнь английского двора. Она все еще не виделась со своим будущим мужем; казалось, споры о приданом и владении имуществом будут длиться вечно. Даже влияние кардинала Уолси¹ — а у него был свой интерес в этом, как, впрочем, и во всяком другом заваривающемся в Англии деле, — не могло ничего ускорить. Тем временем Анна флиртовала с изящностью истинной француженки, с показной любезностью прислуживала сестре короля, каждый день проводила несчетные часы

¹ *Томас Уолси* (ок. 1473–1530) — английский государственный деятель, с 1515 года кардинал, сосредоточил в своих руках всю высшую административную и церковную власть. Впоследствии обвинен в государственной измене.

в болтовне, верховой езде, играх со мной и Джорджем. У нас были схожие вкусы, да и по возрасту мы были близки, хоть я в свои четырнадцать считалась еще ребенком, когда Анне было уже пятнадцать, а Джорджу девятнадцать. Мы — ближайшие родственники, но все еще почти чужие друг другу. Мы с Анной оставались при французском дворе, пока Джордж учился быть придворным в Англии. Теперь, воссоединившись, мы стали известны при дворе как тройка Болейн, вернее — очаровательная тройка Болейн. Частенько король, бывая во внутренних покоях, оглядывался вокруг и звал тройку Болейн или посылал кого-нибудь на другой конец дворца привести нас.

Наша главная задача — украшать собою многочисленные развлечения короля: рыцарские турниры, теннис, верховую езду, охоту с гончими, соколиную охоту, танцы. Он любит жить в постоянном возбуждении, наш долг обеспечить, чтобы он никогда не скучал. Иногда, очень редко, перед обедом или во время дождя, когда охотиться невозможно, он находил путь в покои королевы, тогда она откладывала шитье или книгу и отсылала нас.

Если я медлила, то успевала заметить ее улыбку, так она никогда не улыбалась никому, кроме короля, даже дочери, принцессе Марии. Однажды я вошла, не подозревая, что король там, и обнаружила, что он, словно любовник, сидит у ног королевы, положив голову к ней на колени, а она гладит его золотисто-рыжеватые кудри, наматывает их на палец, и они блестят ярко, словно кольца, которые король когда-то дарил юной принцессе с такими же сияющими волосами, той, на ком женился вопреки всем советам.

Я вышла неслышно, пока меня не заметили. Они так редко бывают наедине, не хочется разрушать чары. Бросилась искать Анну. Плотно закутавшись в плащ, с букетом подснежников в руке, она гуляла вместе с Джорджем по холодному саду.

- Король наедине с королевой, — выпалила я.
- В постели? — Анна удивленно подняла брови.

Я покраснела:

— Конечно нет, сейчас два часа.

— Ты счастлива в браке, если думаешь, что в постели можно оказаться только ночью, — улыбнулась Анна.

Джордж протянул мне руку.

— Она счастлива, — ответил он за меня. — Уильям говорил королю, что никогда не встречал девушки милее. Но чем они занимались, Мария?

— Просто сидели.

Мне совершенно не хотелось описывать Анне эту сцену.

— Так ей сына не получить, — отрезала Анна.

— Ш-ш-ш, — одновременно произнесли мы с Джорджем. Мы придвинулись друг к другу, понизили голос.

— Она, наверное, потеряла надежду, — сказал Джордж. — Сколько ей сейчас? Тридцать восемь? Тридцать девять?

— Всего лишь тридцать семь, — возмутилась я.

— У нее еще не прекратилось обыкновенное женское?

— О Джордж!

— Не прекратилось, — сухо ответила Анна, — но что толку? Это ее вина. Дело не в короле — у него есть бастард от Бесси Блаунт¹, он уже учится ездить на пони.

— Есть еще масса времени...

— Ты права, еще есть время ей умереть, а ему снова жениться, — задумчиво произнесла Анна. — Она ведь не очень крепка здоровьем, правда?

— Анна! — На сей раз я искренне возмутилась. — Это подло.

Джордж оглянулся вокруг, убедился, в саду никого нет, кроме двух сестер Сеймур с матерью, но нарочито не обратил на них внимания. Эта семья была нашим главным соперником в борьбе за влияние и успех, и мы предпочитали не замечать их.

¹ *Елизавета Блаунт* (ок. 1498/1500–1539/1541) — возлюбленная Генриха VIII и мать его внебрачного сына Генриха Фицроя.

— Звучит подло, но это правда, — отрезал Джордж. — Кто будет королем после него, если у него нет сына?

— Принцесса Мария¹ может выйти замуж, — предложила я.

— Иностранцу править Англией? Мне этого не вынести, — возразил Джордж. — Нельзя допустить еще одну войну за трон.

— Принцесса Мария может стать королевой и не выходить замуж, — наугад предложила я. — Будет править самостоятельно.

Анна недоверчиво фыркнула, в холодном воздухе стало видно облачко пара от ее дыхания.

— Ну да, — насмешливо протянула Анна. — Ездить верхом по-мужски и участвовать в турнирах. Девушке не управиться с такой страной, лорды съедят ее живьем.

Мы остановились возле фонтана в центре сада. Анна с заученной грацией опустилась на край водоема, и золотые рыбки с надеждой подплыли к ней. Она стянула вышитую перчатку и поболтала в воде длинными пальцами. Подплыли рыбки, широко разевавая рот, но ничего не получили.

— Волнует ли это короля? — спросила Анна свое колеблющееся отражение.

— Конечно, — ответил Джордж. — Ничего в мире нет важнее. Думаю, он собирается узаконить сына Бесси Блаунт и сделать его наследником, если у королевы не будет потомства.

— Бастард на троне?

— Не зря же его крестили Генрихом Фицроем, — парировал Джордж. — Все знают, что он сын короля. Если Генрих проживет достаточно долго, чтобы сохранить для него страну, если он заставит Сеймуров и нас, Говардов, согласиться, если Уолси сохранит влияние на Церковь и власти за рубежом... что сможет его остановить?

¹ *Принцесса Мария* (1516–1558) — дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, будущая королева Мария Тюдор (с 1553 года).

— Маленький мальчик, к тому же бастард, — задумчиво протянула Анна. — Шестилетняя девочка, стареющая королева и король в расцвете сил.

Она посмотрела на нас, медленно отведя взгляд от бледного отражения в воде, и спросила:

— Что может случиться? Что-то должно случиться! Интересно — что?

Кардинал Уолси прислал королеве письмо, приглашая нас в свое поместье в Йорке на бал-маскарад во вторник на Масленой неделе. Голос у меня дрожал от восторга, когда я по просьбе королевы читала письмо: большой маскарад, крепость под названием Зеленая вила и пять дам будут танцевать с пятью кавалерами, осаждающими крепость.

— О ваше величество. — Голос у меня прерывался от волнения.

— Что?

— Вот бы и мне позволили пойти, — продолжила я робко, — просто посмотреть на праздник.

— Думаю, что ты надеешься на большее, а? — Ее голубые глаза блеснули.

— Оказаться среди танцующих, — призналась я. — Звучит так заманчиво!

— Вполне может случиться. Сколько дам требует от меня кардинал?

— Пять, — ответила я, стараясь сохранять спокойствие, и краем глаза заметила, что Анна села на стул и прикрыла глаза. Я точно знала, о чем она думает, ее голос звучал у меня в голове так ясно, как если бы она кричала вслух: «Выберите меня! Выберите меня! Выберите меня».

Это подействовало.

— Мисс Анна Болейн, — задумчиво произнесла королева. — Королева Мария Французская¹, графиня Девон, Джейн Паркер и ты, Мария.

¹ *Мария Французская* — так в Англии называли королеву Франции Марию Английскую.

Мы с Анной переглянулись. Пятерка была подобрана странно: тетка короля, его сестра королева Мария, богатая наследница Джейн Паркер, которая станет нашей невесткой, если только ее отец и наш договорятся о приданом, и мы обе.

— Мы будем в зеленом? — спросила Анна.

Королева улыбнулась:

— Вероятнее всего. Мария, не напишешь ли ты письмо кардиналу? Сообщи, что мы с удовольствием принимаем приглашение и просим прислать распорядителя праздника, чтобы выбрать костюмы и обсудить порядок танцев.

— Я сделаю! — Анна поднялась со стула и подошла к столу, где были приготовлены бумага, перо и чернила. — У Марии такой неразборчивый почерк, что кардинал может принять ее письмо за отказ.

Королева рассмеялась.

— Французская выучка! — сказала она мягко. — Напишите кардиналу, мисс Болейн, на своем превосходном французском, или, может быть, вы собираетесь писать на латыни?

Взгляд Анны не дрогнул.

— Как предпочитает ваше величество, я достаточно бегло владею обоими языками.

— Напишите, мы жаждем принять участие в празднике, — спокойно ответила королева. — Вот досада, вы не владеете испанским.

Распорядитель праздника прибыл, чтобы разучивать с нами нужные па танцев, но это только послужило сигналом для беспощадной битвы, правда ведущейся при помощи улыбок и нежных слов. Мы никак не могли договориться, кто кого будет изображать на маскараде. В конце концов вмешалась королева и, не допуская никаких обсуждений, распределила роли сама. Я получила роль Доброты, сестра короля королева Мария — роль Красоты, Джейн Паркер — Постоянства. «Уж она как вцепится...» — прошептала мне Анна. Сама Анна стала

Стойкостью. «Интересно, что она подумала о тебе», — шепнула я в ответ. У Анны вырвался нервный смешок.

Нас атакуют индейские женщины — на самом деле придворная певческая капелла, а спасти нас должен король с кругом избранных друзей. Нас предупредили, что король переоденется, и придется очень постараться, чтобы не разгадать прозрачную уловку — кто скрывается под золотой маской на золотоволосой голове и к тому же выше всех в зале.

Это скорее походило на шуточное сражение, чем на танец, а шума и веселья было даже больше, чем я могла предположить. Джордж осыпал меня лепестками роз, а я вылила на него потоки розовой воды. Певчие оказались просто маленькими мальчиками. От волнения они все перепутали, напали на рыцарей, были сбиты с ног и, кружась и хохоча, попадали на землю. Когда дамы вышли из замка, чтобы танцевать с таинственными рыцарями, моим кавалером оказался самый высокий — сам король, и я, все еще задыхаясь после сражения с Джорджем, с розовыми лепестками на шляпе и в волосах, с сахаренными фруктами, застрявшими в складках платья, смеясь, подала ему руку и закружилась в танце, будто он самый обыкновенный человек, а я — простая кухонная девчонка на деревенском празднике.

Подали сигнал снять маски, но король закричал:

— Играйте! Потанцуем еще!

Вместо того чтобы пригласить другую партнершу, он снова повел меня в контрдансе — мы двигаемся рука в руке, его глаза сияют в прорези золотой маски. Я беспечно улыбаюсь в ответ и ощущаю, как его радостное восхищение проникает мне в душу.

— Завидую вашему мужу, ведь когда вы сегодня ночью снимете платье, то осыплет его сладостями, — сказал он вполголоса, когда танец снова свел нас и мы стояли бок о бок, наблюдая за другой парой в центре круга.

Я не нашла остроумного ответа, это не просто положенный куртуазный комплимент. Образ мужа, осыпае-

мого сладостями, — такой домашний и вместе с тем очень эротичный.

— Вам нечему завидовать. Все это — ваше.

— Почему?

— Потому что вы король, — начала я, забыв, что он хочет остаться неузнанным, и поправились: — Король Зеленойвиллы, Король Дня. Пусть вам завидует сам король Генрих — ведь вы выиграли сегодня великое сражение.

— А что вы думаете о короле Генрихе?

Я взглянула на него с невинным видом:

— Он величайший король, которого знала эта страна. Большая честь быть при его дворе, высочайшая привилегия находиться рядом с ним.

— Полюбили бы вы его как мужчину?

Я опустила глаза и покраснела:

— Не осмеливаюсь и думать об этом. Король даже не взглянул в мою сторону.

— Взглянул, и не раз, можете быть уверены, — решительно заявил он. — А если взглянет еще разок, мисс Доброта, оправдаете ли вы свое имя, будете ли добры к нему?

— Ваше... — Я прикусила язык, чуть не сказав «ваше величество», и оглянулась в поисках Анны. Как никогда, пригодилось бы мне сейчас ее остроумие.

— Ваше имя Доброта, — напомнил король.

Я улыбнулась ему, украдкой взглянула сквозь маску:

— Значит, придется быть доброй.

Музыканты кончили играть и ждали, готовые выполнять приказание короля.

— Снять маски, — провозгласил он и сорвал маску с лица.

Увидев короля Англии, я открыла рот от удивления и пошатнулась.

— Она падает в обморок! — закричал Джордж.

Разыграно было хорошо. Я упала на руки королю, Анна скользнула ко мне, отколола маску и — блестящая

игра — сбросила мою шляпу так, что поток золотистых волос рассыпался по руке короля.

Я открыла глаза. Его лицо было совсем близко. Почувствовала запах его волос, дыхание на своей щеке. Губы так близко, словно собирается меня поцеловать.

— Вы должны быть добры ко мне, — напомнил он.

— Вы король... — произнесла я недоверчиво.

— Вы обещали мне доброту.

— Но я не знала, что это вы, ваше величество.

Он нежно поднял меня и перенес к окну. Сам открыл окно, холодный воздух ворвался в помещение. Я тряхнула головой, пусть волосы развеваются на сквозняке.

— Упали в обморок от страха? — прошептал он.

Я опустила глаза.

— От счастья, — прошептала я нежно, словно девица на исповеди.

Король наклонил голову и поцеловал мне руку. Потом встал на ноги и громко провозгласил:

— А теперь обедать!

Я обернулась, ища глазами Анну. Она сняла маску, окинула меня долгим оценивающим взглядом — взглядом Болейнов и Говардов, ее взгляд говорил: «Что тут произошло и как мне это использовать?»

Будто под золотой маской была другая, красивая маска из собственной кожи, и только под ней — настоящая женщина, улыбающаяся мне тайно от всех.

Король подал руку королеве, та с такой радостной готовностью поднялась со стула, словно ей доставляло удовольствие наблюдать, как ее муж флиртует со мной. Но на меня она взглянула пристально и сурово, как бы кладя конец нашей дружбе.

— Надеюсь, вы оправились от обморока, миссис Кэри? Может быть, вам лучше пойти в свою комнату?

— У нее просто кружится голова от голода, — быстро вмешался Джордж. — Могу я проводить сестру к столу?

Анна выступила вперед:

— Король напугал ее, когда снял маску. Никто и предположить не мог, что это вы, ваше величество!